

XVI 45
10

Годъ изданія десятый.

ДЕКАБРЬ.

№ 4.

1916 г.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

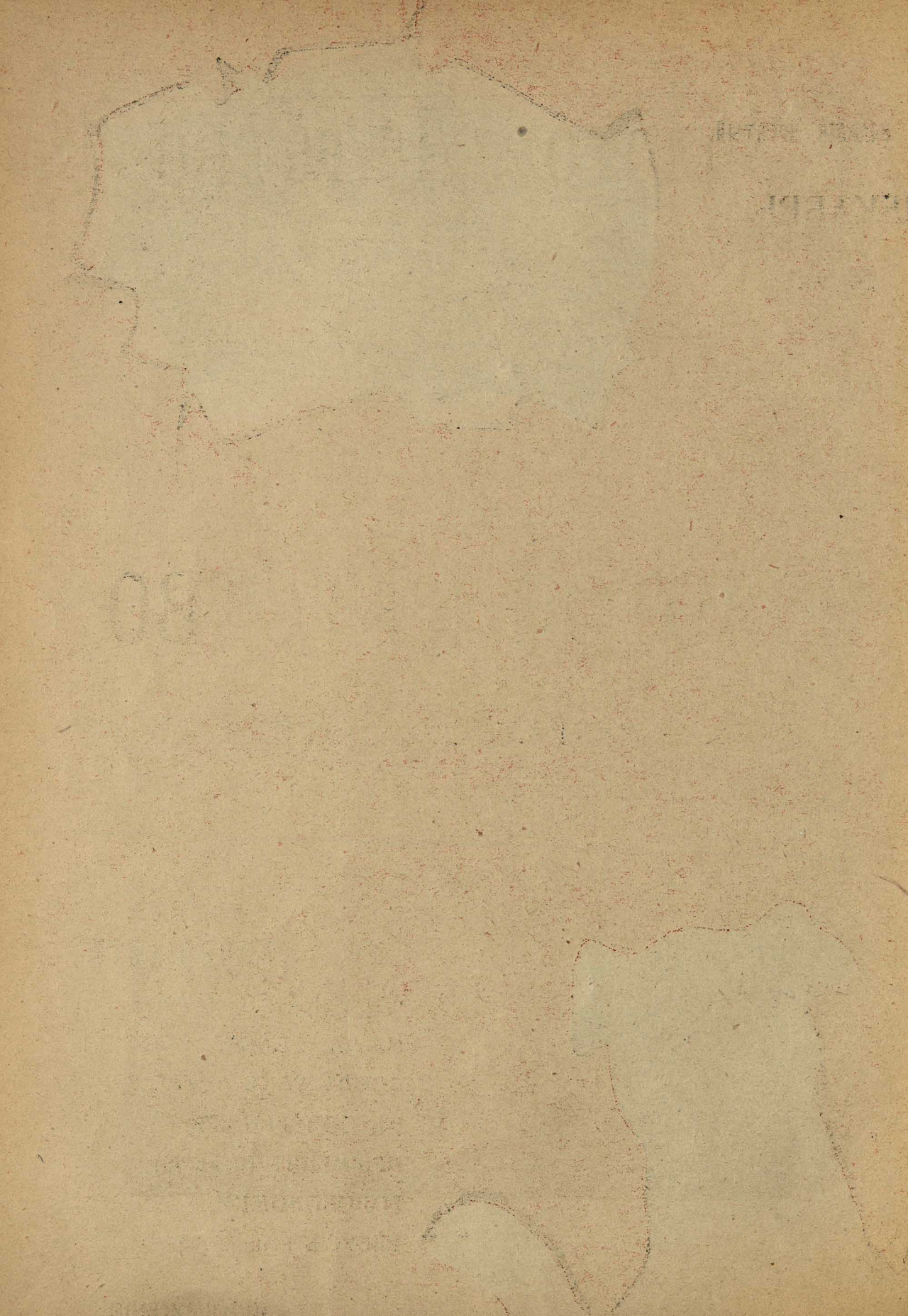
ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ЕЛКА (стих.).
МАША и ВАНЯ.
ПОСЛѢ ЕЛКИ (стих.).
ВЪ СОЧЕЛЬНИКЪ.
ПРІЕМЫШЪ (повѣсть).
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

МАША И ВАНЯ.

(Какъ въ сказкѣ).

Какъ и въ сказкѣ, брата и сестру звали Маша и Ваня. Они были сироты и имъ жилось очень невесело. Злая мачеха, у которой они остались послѣ смерти отца, плохо кормила ихъ, била и придиралась къ нимъ ни за что.

— Хоть-бы кто-нибудь васъ взялъ отъ меня! грубо говорила она имъ.— Навязались на мою шею! Корми вотъ васъ теперь!

Дѣтямъ было больно это слушать, они сознавали, что у мачехи они лишніе, часто вспоминали о своей матери и просили Бога, чтобы онъ взялъ ихъ поскорѣе къ ней на небо. Но проходили дни за днями, они все еще оставались на землѣ и ихъ жизнь становилась все невыносимѣе и тяжелѣе. Когда мать ихъ еще была жива, то она выводила дѣтей ночью на дворъ, показывала имъ на звѣздное небо и говорила:

— А вотъ это, что протянулось

по небу изъ края въ край, такое бѣловатое—это млечный путь!.. По нему святые ходятъ съ земли на небо и слетаютъ къ намъ святые ангелы.

Мать умерла, но Маша и Ваня еще часто выбѣгали по вечерамъ на дворъ и старались на темномъ фонѣ неба разглядѣть млечный путь. Казалось, что если добѣжать до того мѣста, гдѣ этотъ млечный путь упирался на горизонтѣ въ землю, то можно взобраться по нему на самое небо и тамъ повидаться съ матерью. Такъ и теперь Маша и Ваня вышли на дворъ, долго глядѣли на небо и увидавъ этотъ путь, задумались.

— Знаешь, что? вдругъ обратилась Маша къ Ванѣ.—Бѣжимъ отсюда!

— Куда? спросилъ ее Ваня.

Она указала ему на горизонтъ.

— Видишь, небо сходится съ землею! продолжала она.—Бѣжимъ ту-

да! Влѣземъ на небо и побѣжимъ по облакамъ къ нашей мамѣ!

Они взялись за руки и побѣжали.

Деревня стояла на большой дорогѣ. Какая-то барыня всего только за полчаса до этого ѣхала по ней въ коляскѣ и держала на колѣняхъ собачку. Барыня задремала и собачка свалилась съ ея колѣнь прямо на землю. Такъ барыня и не замѣтила своей потери. А когда, часъ спустя, она проснулась и хватилась собачки, то было уже поздно. Вернулись назадъ, долго искали, но собачку такъ и не нашли. Такъ прѣхала барыня домой вовсе безъ собачки.

Едва только Маша и Ваня вышли изъ деревни, какъ сбоку дороги, въ канавѣ, послышался жалобный пискъ:

— Ску-ску-ску...

Они нагнулись и увидели собачку.

Маленькая, лохматенькая, она старалась выскочить изъ глубокой канавы, но не могла. Дѣтямъ стало ее жаль.

— Возьмемъ ее съ собой! сказала Маша.

Они вытащили ее изъ канавы и, позабывъ уже о небѣ и о млечномъ пути, со всѣхъ ногъ побѣжали къ себѣ обратно домой. Одинокіе, не имѣвшіе никогда игрушекъ, они обрадовались своей находкѣ и возвратясь въ деревню, забили въ сарайчикъ и въ немъ и заночевали. Все время они ласкали собачку, прижимали ее къ себѣ и въ ихъ

грустной, забитой жизни она показала имъ драгоценной игрушкой, о которой они не смѣли даже и мечтать.

— Она будетъ у насъ Пулькой, сказала Маша.—Мы такъ ее и будемъ звать!

И они скрывали Пульку въ сарайчикѣ цѣлую недѣлю. Они боялись, какъ-бы ее не увидела у нихъ мачеха, и кормили ее скудными остатками отъ своей ѣды, недоѣдали сами, и она платила имъ за это своими собачьими ласками, виляла имъ хвостомъ и лизала имъ руки и щеки. Они радовались ей и скоро всѣ трое они сдѣлались преданными, неразлучными друзьями.

Но однажды, когда мачеха была на дворѣ, Пулька выбѣжала изъ сарайчика и стала на нее лаять.

— Это еще что такое? закричала на нее мачеха.—Пошла вонъ! Чтобъ ты издохла, паршивая!

И она больно пнула ее ногой. Пулька завизжала и убѣжала къ дѣтямъ въ сарайчикъ. Мачеха послѣдовала за нею и узнавъ, что она принадлежитъ имъ, схватила ее за спину и сунула въ мѣшокъ.

— Собакъ еще здѣсь разводить будете!.. заворчала она.—Тутъ и самимъ ѣсть нечего, а корми еще и собакъ!..

И она зашагала съ Пулькой къ лѣсу. Испуганная, со слезами на глазахъ, дѣти безмолвно глядѣли ей вслѣдъ.

Вдалекѣ, у края поля, синѣлъ.

лѣсъ. Говорили, что онъ былъ казенный и что ему не было и конца. Черезъ него проходила дорога къ станціи желѣзной дороги и въ самой срединѣ лѣса, какъ разъ у полотна, стояла сторожка. Въ ней жила старуха, вдова сторожа, которую всѣ почему-то называли Бабой-Ягой. Ею въ деревнѣ пугали дѣтей и никто изъ нихъ не осмѣливался ходить въ тотъ лѣсъ за ягодами и за грибами. Маша и Ваня стояли у околицы, провожали печальными взглядами мачеху и видѣли, какъ она вошла въ этотъ безконечный, дремучій лѣсъ.

— Бѣдная Пулька! вздохнули они.—Теперь мы не увидимъ ея уже больше никогда!

Придя въ лѣсъ, мачеха зашла въ самую его глубину и вытряхнула изъ мѣшка собачку.

— Оставайся здѣсь! сказала она.—Мнѣ не нужно тебя! Только одно баловство съ тобой.

И она зашагала назадъ. Собака завилыла ей хвостикомъ и довѣрчиво послѣдовала за ней. Она пнула ее ногой.

— Пошла прочь! крикнула она на нее.—Вотъ я тебя сейчасъ!

Она бросила въ Пульку вѣткой. Собачка посмотрѣла на нее удивленными глазами, встала на заднія лапки и такъ и простояла на нихъ до тѣхъ поръ, пока мачеха не скрылась за деревьями. Затѣмъ она заскулила и побѣжала вглубь, куда глядѣли ея глаза.

Когда мачеха вернулась домой, то для дѣтей было ясно, что она бросила Пульку въ лѣсу одну, а, можетъ быть, даже ее и убила. Дѣти забились въ уголокъ сарайчика и долго тамъ плакали.

Насталъ вечеръ. Пулька поняла, что заблудилась, и стала скулить. Поскуливши, она стала горько, визгливо плакать.

Но вотъ послышались чьи-то шаги. Слышно было, какъ чьи-то ноги хрустѣли по сухимъ вѣткамъ. Пулька прислушалась, завилыла хвостикомъ и встала на заднія лапки. Изъ за кустовъ вышла сгорбленная старуха. Увидѣвъ маленькую бѣленькую собачку, она подошла къ ней и ласково сказала:—

— Ахъ, ты моя милая! Стоить и ждать, словно человѣкъ! Должно быть, тебя кто-нибудь здѣсь потерялъ! Ну иди, иди сюда!..

Поднявши Пульку съ земли, она нѣжно прижала ее къ груди и унесла съ собой.

Маша и Ваня долго сидѣли въ сарайчикѣ въ уголкѣ и безутѣшно рыдали. Затѣмъ они вышли на дворъ. Былъ вечеръ. На небѣ одна за другой стали зажигаться звѣзды. Надъ темнымъ, безконечнымъ лѣсомъ, въ которомъ жила Баба-Яга, взошелъ молодой мѣсяцъ и задралъ кверху рожки. Кричали ночныя птицы и жужжали жуки.

— Пойдемъ, Ваня, обратилась къ брату Маша и взяла его за руку.

— Куда? покорно спросилъ онъ ее.

— Пойдемъ поближе къ этому мѣсяцу и спросимъ его, не видаль-ли онъ на небѣ нашей мамы?

И они пошли. Но чѣмъ дальше они шли, тѣмъ мѣсяцъ все удалялся и удалялся отъ нихъ и наконецъ совсѣмъ зашелъ за лѣсъ.

— Должно быть, онъ живетъ въ лѣсу, сказалъ Ваня.—Пойдемъ къ нему!

Они вошли въ лѣсъ. Здѣсь было совсѣмъ уже темно, ничего не было видно подъ ногами и только слышно было, какъ высоко вверху шумѣли листьями березы и гудѣли хвоями сосны, пахло сыростью и прѣлымъ листомъ. Какая-то птица жалобно кричала и хлопала крыльями.

— Мнѣ страшно! сказалъ Ваня.

— Ничего, Ваня, не бойся! успокоила его Маша.—Вонъ гдѣ-то впереди мерцаетъ огонекъ! Тамъ должно быть, живетъ мѣсяцъ!

И они вышли къ лѣсной сторожкѣ.

— Тукъ-тукъ-тукъ! постучались они.—Мѣсяцъ, мѣсяцъ,пусти насъ къ себѣ! Скажи намъ, не видаль-ли ты на небѣ нашей мамы?

Но вмѣсто мѣсяца въ окнѣ показалась сѣдая голова старухи. Это была Баба-Яга.

— Чего вамъ, дѣти? спросила она Машу и Ваню.—Зачѣмъ вы пришли сюда въ такую позднюю пору? Вы заблудились?

— Нѣтъ, бабушка, отвѣтила ей, какъ въ сказкѣ, Маша.—Мы не заблу-

дились, но мы ищемъ мѣсяца, чтобы онъ сказалъ намъ, гдѣ наша мать. Мы—сироты и хотимъ ѣсть. Наша мачеха выгнала насъ изъ-дому. Мы все время жили въ сарайчикѣ, а сегодня она взяла еще и нашу собачку и занесла ее сюда въ лѣсъ. Мы устали и дальше идти не можемъ. Приюти насъ!

Старушка вышла къ нимъ, взяла ихъ за руки и ввела ихъ въ избушку.

— Ничего, дѣти! сказала она.—Сиротъ не оставляетъ Богъ. Сейчасъ я дамъ вамъ поѣсть, а потомъ сдѣлаю такъ, что по щучьему велѣнью къ вамъ явится и собачка!

Она дала имъ по ломтику хлѣба и по чашкѣ молока. Они поѣли и стали ожидать. Старушка отворила дверь въ сосѣдній чуланчикъ и выпустила изъ него собачку.

— Пулька! обрадовались дѣти и стали ее ласкать и обнимать.

Пулька тоже узнала ихъ, завизжала отъ радости и стала прыгать къ самымъ ихъ лицамъ и лизать ихъ въ губы и въ шею. Такъ они проиграли съ ней цѣлый часъ.

— Ну, а теперь, дѣти, ложитесь спать! обратилась къ Машѣ и къ Ванѣ Баба-Яга.—Утро вечера мудренѣе. Уже пора! Слышите, идетъ гроза?

И дѣйствительно, издалека доносились раскаты грома. Слышно было, какъ шумѣли деревья и какъ вслѣдъ затѣмъ мѣрно забарабанилъ по крышѣ дождь. Потомъ засверкали молніи, громъ сталъ раздаваться уже прямо надъ головою и дѣтямъ

казалось, что вотъ вотъ на нихъ обрушится потолокъ. Старуха постлала имъ на лавкѣ постель и уложила ихъ спать. Пулька подлѣзла къ Ванѣ подъ одѣяло.

— Мнѣ страшно! шепнулъ Ваня на ухо Машѣ.—Баба-Яга напустила на насъ грозу, а потомъ сварить меня въ котлѣ и съѣсть.

— Не бойся, Ваня, снова успокоила брата Маша.—Развѣ ты не видишь, что эта Баба-Яга добрая, а не злая? Если-бы она была злая, то не возвратила-бы намъ нашу Пульку.

Ваня удовлетворился этимъ отвѣтомъ и скоро заснулъ. Маша вдругъ вскочила съ постели и стала на ней на колѣнки. Старуха сидѣла у печки и прjala.

— Бабушка, обратилась она къ старухѣ и слезы засверкали у нея на глазахъ.—Сдѣлай такъ, чтобы намъ уже не нужно было возвращаться къ нашей мачехѣ! Пусть насъ возьметъ къ себѣ какая-нибудь добрая барыня! Мы будемъ ей служить...

Старуха погладила ее костью рукой по голювѣ и снова уложила спать.

— Спи, моя сироточка! сказала она.—Богъ милостивъ! Утро вечера мудренѣе!

Маша крѣпко заснула. Старуха кончила пряжу и полѣзла на печку.

А гроза все продолжалась и все болѣе и болѣе свирѣпѣла. Дождь лилъ, какъ изъ ведра; слышно было,

какъ злобный вѣтеръ ломалъ въ лѣсу вѣковыя деревья и какъ кричали испуганныя молніей совы и брехали лисицы.

И вдругъ раздалось шлепанье по грязи лошадиныхъ копытъ и кто-то остановился у избушки.

— Тпрууу!.. Пустите, добрые люди, отдохнуть! Укройте отъ дождя!

Старуха слѣзла съ печи, засвѣтила огонь и пошла отворить. Порывъ вѣтра ворвался въ избушку. и заколебалъ пламя свѣчи. Вслѣдъ за нимъ вошелъ, весь промокшій, кучеръ и ввелъ за собою какую-то даму.

— Пожалуйте, матушка-барыня, сюда! говорилъ онъ.—Присядьте вотъ тутъ!.. Здѣсь сухо и тепло... Тутъ и переждемъ!.. Гроза-то, какая!.. Такъ молнія и слѣпитъ!.. Промокли до костей.

Барыня сняла съ себя пальто и сѣла на лавку. Было тепло, кричалъ подъ печкой сверчокъ и слышно было, какъ въ углу шерошились тараканы.

— Не прикажешь-ли, матушка-барыня, поставить самоварчикъ? обратилась къ пріѣзжей старуха.—Или, быть можетъ, ты останешься у меня ночевать?

— Нѣтъ, спасибо, отвѣтила барыня.—Теперь ужъ скоро гроза пройдетъ и я поѣду дальше! Мнѣ пора домой!..

Но едва только она произнесла эти слова, какъ изъ-подъ одѣяла Вани выскочила Пулька и съ радо-

стнымъ визгомъ бросилась къ пріѣзжей. Она вскочила къ ней на колѣни, завиляла хвостомъ, засуетилась, заскулила и стала лизать ей руки, губы, глаза.

— Фрина! Фриночка! воскликнула дама.—Милая моя собачка! Откуда ты взялась? Вѣдь я потеряла тебя еще на прошлой недѣлѣ не здѣсь, а у села! Хорошая ты моя Фринка!

И она схватила свою любимицу и прижала ее къ себѣ. Въ это время повскакивали съ постели Маша и Ваня и, какъ были, въ однихъ рубашонкахъ, подбѣжали къ дамѣ и тоже стали ласкать собачку.

— Пулька! Пулька! кричали они.

— Фриночка! Фрина! повторяла дама.

На пріѣзжей было дорогое темное платье съ кружевами и отъ нея пахло какими-то вкусными, пріятными духами. Дѣти поглядѣли ей въ лицо и она показалась имъ похожей на какую-то святую, которую они видѣли на иконѣ въ деревнѣ. Думая, что это Баба-Яга нарочно сдѣлала такъ, чтобы эта дама пріѣхала сюда и чтобы ей ихъ отдать, они обрадовались и стали ее просить:—

— Барыня, красавица наша, возьми насъ къ себѣ!.. Мы сироты, наша мачеха бьетъ насъ и не даетъ намъ ѣсть!..

Она усадила ихъ рядомъ съ собой и стала ихъ спрашивать. Когда они рассказали ей о своемъ одиночествѣ и горѣ и о томъ, какъ они нашли ея собачку въ канавѣ и берегли ее въ сарайчикѣ въ уголкѣ, то она подумала и глубоко вздохнула.

— Ну, что-жъ, сказала она,—я возьму васъ къ себѣ... У меня усадьба большая, найдется мѣсто и для васъ.

И она стала собирать ихъ съ собою въ путь.

Гроза уже прошла, дождикъ прекратился и теперь, при свѣтѣ появившихся звѣздъ, уже было видно и лужи и дорогу и стоявшія по бокамъ деревья. Барыня вывела дѣтей изъ избышки и усадила ихъ вмѣстѣ съ собою въ экипажъ. Фрина, она же и Пулька, вспрыгнула ей на колѣни и улеглась поудобнѣе.

Отдохнувшія лошади тронулись съ мѣста и побѣжали веселою рысью. А позади, въ глубинѣ лѣса, у Бабы-Яги, еще долго свѣтился огонекъ, а сама старушка стояла на крыльцѣ и набожно крестилась.

— Слава Богу!.. шептала она.—Теперь имъ будетъ тамъ хорошо!

Занималась заря, кое-гдѣ попискивали уже птички и деревья стряхивали съ себя крупныя капли дождя.

Лео.

Въ Швейцаріи. Любимцы.

На берегу озера.

ПОСЛѢ ЕЛКИ.

Огни на елкѣ, ожерелья,
На вѣткахъ лакомства висятъ,
Кругомъ восторгъ, кругомъ веселье
И глазки дѣтскіе горятъ...

Готовы дѣти любоваться
На елку чуть не до утра,
Они не могутъ съ ней разстаться,
Хотя-бы спать была пора...

На нихъ бумажные наряды,
На комъ колпакъ, на комъ халатъ,
Но дѣтки счастливы и рады,
Что имъ устроены маскарадъ.

Но вотъ предательски-уныло
Часы звонятъ, ихъ спать зовутъ,
И дѣткамъ жаль того, что было,—
Они съ тоскою спать идутъ.

Ужели имъ сейчасъ придется
Снимать свой елочный нарядъ?
Они уходятъ, сердце бьется
И щечки алая горятъ...

— «О, елка милая, когда ты
Насъ такъ порадуешь опять?»
И съ этой мыслию ребята
Вдругъ начинаютъ засыпать.

Имъ снятся сны прелестнѣй сказки,
Во снѣ ихъ ангелы зовутъ,
Они-жъ порой откроютъ глазки,
Но тотчасъ сладко и уснутъ...

Ирисъ.

ВЪ СОЧЕЛЬНИКѢ.

Разсказъ моей бабушки.

Мой папа былъ инженеръ и былъ посланъ въ Бельгію изучать тамъ на одномъ изъ заводовъ отливку стали. Тамъ ему пришлось прожить цѣлые четыре года и, чтобы имѣть возможность почаще видѣть маму и меня, онъ перевезъ за границу и насъ и поселилъ насъ во Франціи, въ хорошенькой деревушкѣ, въ до- мѣ какого-то господина Дюбрейля, котораго я, по малолѣтству, называла «дядя-Леонъ». Хотя мы съ папой жили такимъ образомъ и въ разныхъ странахъ, но между нашей дереушкой и тѣмъ заводомъ, на которомъ находился папа, было всего только три часа ѣзды—и папа пріѣжалъ къ намъ довольно часто.

Мнѣ очень нравилось въ нашемъ новомъ жилищѣ. Весь нашъ домикъ положительно обросъ вьющимися розами, было гдѣ побѣгать и погулять. Я быстро научилась по-французки и всѣ мѣстныя французенки носились со мной, какъ съ куклой, и не знали, чѣмъ меня угостить и гдѣ посадить. Конечно, я скоро переняла всѣ ихъ обычаи и не прошло и двухъ лѣтъ, какъ я уже и стала чуть-что не французенкой. За отсутствіемъ православной церкви я даже ходила въ мѣстный костель и съ удовольствіемъ слушала тамъ органъ.

У французовъ есть такой обычай: Цѣлый годъ родители не дарятъ дѣтямъ никакихъ игрушекъ и прибегаютъ ихъ къ Рождеству; накануне, въ сочельникъ, дѣтей рано укладываютъ спать, приказываютъ имъ вывѣсить свои чулки и говорятъ имъ, что пока они ночью будутъ спать, къ нимъ въ дѣтскую войдетъ святой Николай и положитъ каждому изъ нихъ игрушки въ чулокъ. Едва только дѣти засыпаютъ, какъ къ нимъ входитъ ихъ отецъ, иногда наряженный старикомъ, и одѣляетъ ихъ игрушками. На утро они просыпаются, хватаются первымъ дѣломъ за чулки—и тутъ-то начинаются такія радости, какихъ и не опишешь перомъ. Конечно, пока дѣти еще малы, они вѣрятъ въ то, что эти игрушки имъ дѣйствительно принесъ святой Николай, а не ихъ отецъ; такъ вѣрила въ

это тогда и я. Помню, въ одинъ изъ такихъ сочельниковъ мы долго ожидали пріѣзда папы. Онъ такъ и не пріѣхалъ; его неожиданно что-то задержало на заводѣ. Мама очень безпокоилась.

— Должно быть, онъ пріѣдетъ ночью, съ послѣднимъ поѣздомъ, сказала она.—Придется не запирать дверь на балконѣ, чтобы ему не пришлось долго стучать. Авось къ намъ никто не заберется!.. А ты, милочка, обратилась она ко мнѣ,—ложись поскорѣе спать. Уже поздно. А то вдругъ придетъ къ тебѣ святой Николай, увидитъ, что ты еще не спишь, и уйдетъ обратно. Такъ и останешься ни съ чѣмъ. Онъ не любитъ, когда дѣти не спятъ и за нимъ подглядываютъ.

Я обрадовалась. Значитъ, и ко мнѣ сегодня ночью можетъ придти святой Николай! Я быстро раздѣлась, бросилась въ кроватку, и когда подошла со мной проститься мама, то я обняла ее за шею.

— Это правда? спросила я.—Значитъ, въ эту самую ночь? И у меня будутъ новыя игрушки?

— Да, да!.. отвѣтила мама.—Только засыпай, пожалуйста, поскорѣе, а то такъ стала долго разговаривать по вечерамъ! Это вредно!

Но меня уже трудно было унять. Святой Николай заинтересовалъ меня и я готова была уже не спать цѣлую ночь, чтобы увидеть, какъ онъ войдетъ ко мнѣ въ дѣтскую и

начнетъ засовывать въ чулокъ игрушки.

— Спи-же скорѣй! продолжала мама.—Закрой глазки! Не думай ни о чемъ. Святой Николай всегда даетъ лучшія игрушки тѣмъ, кто крѣпче спитъ!

— Сейчасъ, сейчасъ засну! отвѣтила я.—Только ты, мамочка, скажи мнѣ въ послѣдній разъ, въ чемъ ходитъ святой Николай? Во что онъ бываетъ одѣтъ?

Мама улыбнулась и отвѣтила:—

— Въ чемъ придется. Иногда онъ появляется въ видѣ старичка, а то и просто такъ, подъ видомъ какого-нибудь простого обыкновеннаго челвѣка.

Должно быть, мама имѣла въ виду моего папу, потому что добавила:—Онъ можетъ даже явиться къ тебѣ сегодня ночью надъ видомъ твоего папы! Спи-же крѣпче!

Она перекрестила меня, поцѣловала и вышла.

Я осталась одна. Чуть-чуть свѣтилъ ночникъ, въ дѣтской былъ полумракъ и мнѣ было раздолье думать. Передъ моими глазами запрыгали игрушки, все одна другой дороже и красивѣе, и уже стала появляться фигура святого Николая въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, какъ вдругъ я вспомнила о чулкѣ. Хорошо-ли онъ былъ повѣшанъ? Хватитъ-ли въ немъ мѣста для игрушекъ? Не повѣситъ ли сразу двухъ чулокъ?

Я не утерпѣла, вылѣзла изъ подъ одѣяла и освидѣтельствовала чулокъ. Онъ висѣлъ на мѣстѣ. Но онъ показался мнѣ такимъ маленькимъ, что я полѣзла въ комодъ, достала оттуда маминъ чулокъ и повѣсила его рядомъ со своимъ.

«Такъ будетъ лучше...» подумала я.

Затѣмъ я присѣла къ столику и написала къ святому Николаю письмо слѣдующаго содержанія:—

«Милый святой Николай, будь такъ доборъ, положи мнѣ сегодня въ чулокъ большую куклу съ настоящими волосами, чтобы она непрерывно открывала и закрывала глаза, потомъ бусы, потомъ коробку конфетъ, а потомъ еще что-нибудь».

Я положила эту записку на самомъ видномъ мѣстѣ, подлѣзла снова подъ одѣяло и стала засыпать. Но сонъ мой былъ какой-то прерывистый и не крѣпкій. Я спала и въ то-же время слышала, какъ за спиной разговаривала мама съ хозяйкой и какъ кричалъ подъ печкой сверчокъ. Большіе старинные часы въ прихожей длинно и звонко пробили сперва девять, потомъ десять. Я это отлично слышала и даже считала во снѣ. Затѣмъ заснула и снова проснулась отъ ихъ боя.

...Девять, десять, одиннадцать, двѣнадцать.. сосчитала я. — Уже полночь. Сейчасъ долженъ придти съ игрушками святой Николай! Уже Рождество...

Сердце забилося во мнѣ, меня

охватило праздничное чувство, и я вскочила.

— А что, если я прозѣвала? мелькнуло у меня въ головѣ.—Что, если святой Николай уже приходилъ? Увидаль-ли онъ мою записку? Положилъ-ли онъ уже игрушки въ мои чулки? А, можетъ быть, онъ придетъ снова еще попозже? Быть можетъ, онъ еще не приходилъ?

Я подбѣжала къ столику: на немъ все еще лежала моя записка. Я осмотрѣла чулки: они все еще были пусты. Значить, святой Николай еще не приходилъ!

Въ сосѣдней комнатѣ мирно спали супруги Дюбрейль. Съ другой стороны доносилось ровное посапываніе мамы. Въ прихожей громко и отчетливо отчеканивалъ свои удары маятникъ старинныхъ часовъ. Все было тихо и весь домъ погрузился въ сладкій сонъ. Не спала только я одна. Я уже хотѣла вновь улечься въ свою постельку, какъ вдругъ, со стороны балкона, до меня донесся какой-то странный шорохъ. Совсѣмъ забывъ о томъ, что это могъ быть мой папа, поздно возвратившійся изъ своего завода, я вообразила, что это долженъ быть самъ святой Николай. И дѣйствительно, вскорѣ вслѣдъ затѣмъ послышался въ передней комнатѣ стукъ мебели. Кто-то въ темнотѣ наткнулся на стулъ.

«Это онъ!» подумала я.—«Это святой Николай! Онъ несетъ игрушки!»

Сердце у меня забилось, я обрадо-

валась и мнѣ ужасно захотѣлось увидѣть его собственными глазами.

«Я пріотворю немного дверь, рѣшила я,—и буду смотрѣть, что онъ будетъ дѣлать?»

Между тѣмъ шумъ въ сосѣдней комнатѣ продолжался. Святой Николай ко мнѣ все еще не входилъ, сквозь щель въ двери мнѣ не видно было изъ-за темноты ничего, но самый шумъ былъ таковъ, точно кто-то не хотѣлъ его дѣлать и остерегался, какъ-бы его не услышалъ кто-нибудь и не потревожилъ.

— Ну, конечно! рѣшила я.—Это святой Никокай! Но почему-же онъ сюда не входитъ? Вѣроятно, онъ старается убѣдиться, сплю-ли я?

Я поскорѣ прыгнула въ постельку и притворилась спящей. Шумъ все еще продолжался и ему вторили похрапыванія супруговъ Дюбрейль и посапываніе моей мамы. А затѣмъ шумъ вдругъ затихъ и я къ своему горькому разочарованію вдругъ услышала, что кто-то сталъ спускаться по лѣстницѣ внизъ, гдѣ были у насъ столовая, кухня и кладовая.

«Боже мой, испугалась я,—неужели онъ такъ и уйдетъ, не зайдя ко мнѣ? Что же мнѣ теперь дѣлать? Значить, я такъ и останусь вовсе безъ игрушекъ. Неужели все достанется маленькому Жаку?»

Жакъ былъ сынишка нашей кухарки и спалъ вмѣстѣ со своей матерью въ чуланчикѣ сзади кухни.

Ревность вдругъ овладѣла мной. Я не могла допустить, чтобы свя-

той Николай отдалъ Жаку все! Я вновь соскочила съ постели и босая, въ одной только ночной рубашкѣ, осторожно отворила дверь въ сосѣдную комнату, изъ которой до меня донесся впервые шумъ. Тамъ уже небыло никого. Тогда и я стала спускаться по лѣстницѣ внизъ. Здѣсь было холодно и темно, но внизу шумъ былъ уже сильнѣе, чѣмъ наверху. Радость, что я увижу сейчасъ самого Святого Николая, охватила меня всю и я даже и не замѣчала того, что мои босыя ноги ступали по голому полу.

Вѣдь вы только подумайте: никто во всемъ свѣтѣ еще не видѣлъ святого Николая при работѣ, а мнѣ выпадаетъ неожиданно это счастье! Вотъ расскажу-то я объ этомъ своимъ деревенскимъ дѣвочкамъ! Воображаю, какой онъ старый, съ длинной сѣдой бородой, съ посохомъ въ рукахъ!.. А, можетъ быть, онъ нарочно измѣнилъ свою наружность, чтобы его не узнали? Интересно было-бы подсмотрѣть, какимъ онъ будетъ теперь!

И сгорая отъ любопытства, я сошла въ самый низъ и подошла къ столовой. Сквозь щель въ двери изъ нея свѣтился слабый свѣтъ. Я подкралась къ щели и приникла къ ней лицомъ.

Ахъ, какъ мнѣ показалось тамъ сразу все интереснымъ! На столѣ стоялъ потайной фонарь и свѣтилъ только въ одну сторону. Онъ освѣщаль стоявшую въ углу елку, всю

увѣшанную разными вещицами и сластями. Такъ вотъ почему мнѣ запретили сегодня цѣлый день спускаться внизъ въ столовую! Эту елку, значить, устраивали для меня и хотѣли сдѣлать мнѣ сюрпризъ! Какъ это мило со стороны мамы и добрыхъ супруговъ Дюбрейль!

И я жадно стала оглядывать елку. Но странный звукъ вдругъ отвлекъ отъ нея мое вниманіе: кто-то темный, склонившись низко къ полу, копошился у буфета и что-то въ немъ ковырялъ. Потомъ онъ выпрямился и сталъ отпирать нѣсколькими ключами его верхнюю дверцу, гдѣ у г.-жи Дюбрейль хранились ея серебрянныя вещи и дорогая посуда. Среди столовой, на полу, лежалъ большой узелъ съ вещами.

«Навѣрное, это у него игрушки» подумала я.—«Онъ хочетъ положить ихъ въ буфетъ, но только мадамъ Дюбрейль его заперла».

Сгорая отъ нетерпѣнія и любопытства и позабывъ обо всемъ, я тихонько пріотворила дверь и вошла въ столовую. Я ступала на ципочкахъ такъ тихонько, что меня нельзя было услышать. Но къ своему удивленію, я тотчасъ-же и разочаровалась. вмѣсто того, чтобы принести и разставить для меня подарки, этотъ неизвѣстный уже отперъ буфетъ и сталъ вынимать изъ него серебрянныя вещи и связывать ихъ въ узелъ. У него вовсе не было сѣдой бороды и лицо его вовсе не свѣтилось добротой.

Я не сдержалась и воскликнула:

— А гдѣ-же игрушки для меня?

Онъ вздрогнулъ, обернулся и у него изъ рукъ выпала послѣдняя вещь, которую онъ только-что вытасилъ изъ буфета. Мнѣ показалось, что онъ испугался.

— А гдѣ-же святой Николай? обратилась я къ нему. — Я такъ ожидала его! Мама сказала мнѣ, что онъ долженъ прійти сегодня ночью и принести мнѣ игрушекъ и сластей—и вотъ я вышла сюда, чтобы на него поглядѣть... Вы не святой Николай?

— Нѣтъ, мрачно отвѣтилъ пришелецъ.—Я не онъ.

— А кто-же вы?

— Я—его посланный.

— Но почему вы на меня такъ строго смотрите? Вѣроятно, вы обижаетесь, что я вамъ помѣшала? Конечно, я должна была-бы теперь спать, но мнѣ такъ сильно хотѣлось посмотрѣть на святого Николая! Простите меня!

— Да, тебѣ нужно было-бы теперь спать! рѣзко сказалъ незнакомецъ.—Нечего тутъ ходить и подглядывать за старшими!

Но я не унималась. Видя, что онъ сталъ уже увязывать въ свой узелъ всѣ вещи, вынутыя имъ изъ буфета, я заплакала.

— Но что-же мнѣ дѣлать, сказала я,—если я никакъ не могла заснуть? И вотъ вы теперь пришли меня за это наказать! вмѣсто того, чтобы принести мнѣ игрушекъ и

сластей, вы отъ насъ-же еще берете эти вещи! Простите меня, пожалуйста, и возвратите вещи обратно. Обѣщаю вамъ, что я буду впередъ умной и послушной и всегда буду крѣпко спать!

Я закрыла лицо обѣими руками и горько заплакала. Онъ взялъ со стола фонарь и навелъ его на меня. Я посмотрѣла на него сквозь пальцы. Лицо его было по прежнему мрачно, но глаза и губы имѣли теперь уже какое-то иное, мягкое выраженіе. Повидимому, моя искренность и слезы смягчили его. Онъ протянулъ ко мнѣ руку и вдругъ сталъ гладить меня по головѣ.

— Ахъ, ты нѣжное, святое дитя!.. проговорилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ.—Что, если-бы всѣ люди были такими-же, какъ ты!..

И мнѣ показалось, что и на его глазахъ тоже заблестали слезинки.

— Но только тише, пожалуйста! проговорилъ онъ и пригрозилъ мнѣ пальцемъ.—Тссс! Ни слова! А то насъ могутъ услышать!

Онъ взялъ меня на руки и прижалъ къ себѣ. Вѣроятно, ему было такъ-же пріятно приласкать меня, какъ намъ бываетъ иногда пріятно прижать къ себѣ маленькаго, безпомощнаго щенка.

— Давно не держалъ дѣтей на рукахъ!.. проговорилъ онъ.—Ахъ, ты моя красавица!

И онъ поцѣловалъ меня въ щеку, а затѣмъ посадилъ меня въ кресло,

стянулъ со стола скатерть и укрывъ ею меня съ головой.

— Сиди здѣсь и не смотри! сказалъ онъ.

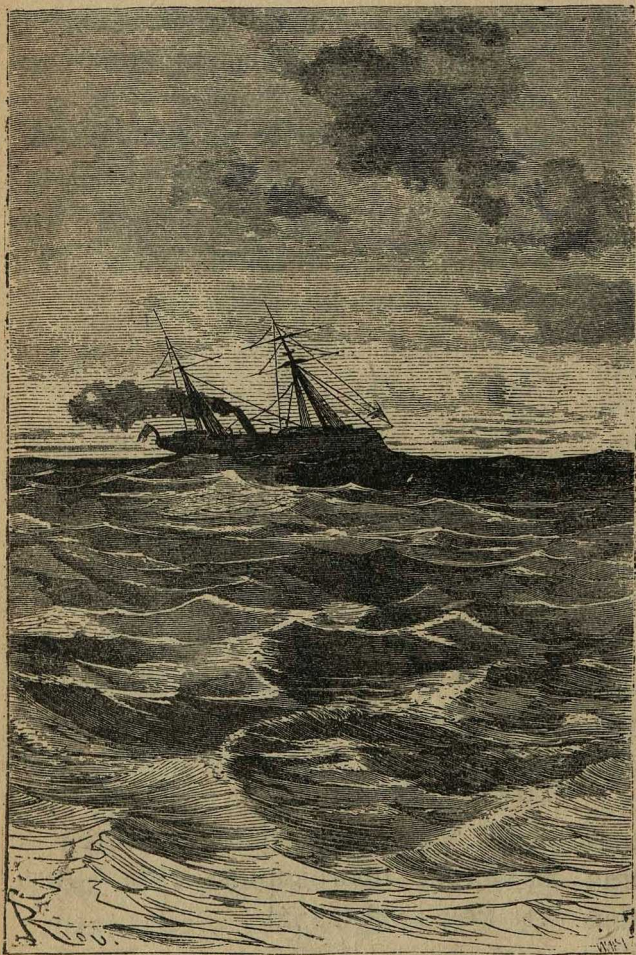
Но я отыскала щелочку и стала смотрѣть. Онъ развязалъ узелъ и всѣ взятыя имъ вещи бережно поставилъ обратно на свои мѣста и заперъ буфетъ. Потомъ онъ подошелъ ко мнѣ, затушилъ свой фонарь и, стянувъ съ меня скатерть, тихонько сказалъ:

— Иди скорѣе наверхъ и ложись къ себѣ въ постельку. Постарайся поскорѣе уснуть и никому ничего не рассказывай!

Я побѣжала къ себѣ, легла и укрывалась. Но заснуть я не могла. Я слышала, какъ незнакомецъ тоже поднялся наверхъ и черезъ дверь на балконъ вышелъ въ садъ и скрылся. Но не прошло и получаса, какъ шаги снова послышались на лѣстницѣ и на этотъ разъ кто-то уже вошелъ ко мнѣ. Я взглянула изъ подъ одѣяла и снова увидѣла его. Значить, онъ возвратился къ намъ опять. На этотъ разъ въ его рукахъ были игрушки: онъ спѣшно всовывалъ ихъ мнѣ въ чулки, торопился и никакъ не могъ въ нихъ попасть. Но затѣмъ, окончивъ свое дѣло, онъ быстро подошелъ ко мнѣ, приподнялъ съ моего лица одѣяло и поцѣловалъ меня въ лобъ. Я притворилась, что сплю.

— Господь тебя благослови, милая дѣвочка!.. прошепталъ онъ.—Какъ было-бы легко жить на свѣтѣ, если-бы всѣ люди были такіе-же добрые, какъ ты!

И онъ тотчасъ-же вышелъ. Шаги его смолкли и весь домъ погрузился въ тишину, но я озябла, хотѣлось пригрѣться — и я незамѣтно заснула.

Въ морѣ.

Утромъ во всемъ нашемъ домѣ былъ переполохъ. Когда я проснулась, то внизу бѣгали, кричали, суетились... Затѣмъ ко мнѣ вошла, вся блѣдная, мама и виновато сообщила, въ чемъ дѣло:

— Ты знаешь, со страхомъ сказала она,—я вчера не заперла дверь на балконъ, думала, что къ намъ прійдетъ ночью папа, а вмѣсто него забрался воръ. Онъ пытался, отпереть буфетъ и вытащить изъ него серебряныя вещи, да такъ ему это и не удалось: только испортилъ отмычкой замкъ и исцарапалъ дверцу. Потомъ онъ стащилъ со стола скатерть, скомкалъ ее и бросилъ на кресло. Вѣроятно, тоже хотѣлъ ее украсть, но что-нибудь ему помѣшало... Потомъ... потомъ...

— А что потомъ? тоже въ страхѣ спросила я ее.

— Потомъ въ эту-же ночь кто-то залѣзъ въ игрушечный магазинъ дяди Жерома и стащилъ у него куклу, паяца и маленькій чайный приборъ.

Я вскочила съ постели и подбѣжала къ чулкамъ. Изъ нихъ торчали большая кукла, паяцъ и маленькій чайный приборъ...

— Это откуда у тебя? строго спросила меня мама.

Я звонко, по праздничному, расхохоталась и рассказала мамѣ все. Она молча взяла игрушки и такъ-же молча вышла съ ними изъ дома.

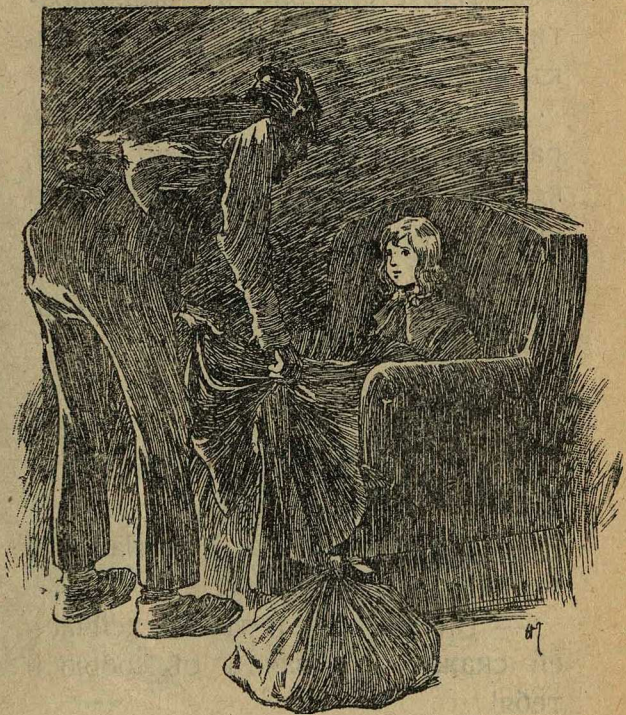
А когда она возвратилась обратно, то я была уже одѣта и вертѣлась около елки.

— А гдѣ-же игрушки? спросила я ее.

— Я отнесла ихъ къ дядюшкѣ Жерому! Эти игрушки украдены у него!

Но вслѣдъ за нею вошелъ въ столовую и самъ дядюшка-Жеромъ. Онъ уже узналъ отъ мамы обо всемъ и протянулъ ко мнѣ куклу, паяца и чайный приборъ.

— Возьми ихъ, милочка, себѣ, обратился онъ ко мнѣ,—и думай, что это послалъ тебѣ ихъ самъ святой Николай. Ты вполне заслуживаешь ихъ, потому что своими

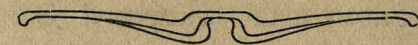
— Сиди здѣсь и несмотри! сказалъ онъ.

искренностью и добротой ты смягчила разбойника и сдѣлала его хоть ненадолго человѣкомъ. Бери-же ихъ себѣ и играй ими на здоровье!

Я обрадовалась и вмѣстѣ съ ма-

ленькимъ Жакомъ стала прыгать вокругъ елки, а старшіе еще долго сидѣли въ уголку и разговаривали о происшедшемъ

Гіальмаръ.

П Р И Е М Ы Ш Ъ.

Повѣсть.

(Продолженіе).

Прошли двѣ недѣли.

Однажды передъ самымъ урокомъ нѣмецкаго языка Сергѣю Андреевичу захотѣлось самому покатать дѣтей въ лодкѣ. Всѣ, кромѣ одной Жени, были свободны.

— Идите скорѣй къ рѣкѣ, обратился онъ къ дѣтямъ.—Я сейчасъ къ вамъ приду!

Вѣрочка и Дима взвизгнули отъ радости и помчались къ лодкѣ. Женя, которой надо было отправляться на урокъ, осталась у крыльца одна.

— А ты отчего-же не идешь? обратился къ ней Сергѣй Андреевичъ.

— Сейчасъ мнѣ учиться... отвѣтила Женя.

— Учиться? Это въ іюль-то? Маршъ скорѣе въ лодку!

— Но вѣдь Эльза Христіановна меня будетъ ждать!

— Ничего, иди и ты. Я сейчасъ ей скажу, что взялъ съ собою и тебя!

Женя отъ радости не чувствовала

подъ собою ногъ и побѣжала тоже къ рѣкѣ. Тамъ уже сидѣлъ въ лодкѣ учитель Ѳедоръ Степанычъ и вычерпывалъ изъ нея кружкой воду.

— А вы занимаетесь и лѣтомъ? обратился онъ къ Женѣ.— А мы вотъ цѣлое лѣто гуляемъ. Мы потрудились за зиму!

Женѣ стало завидно, что Дима и Вѣрочка были свободны.

«Боже мой», подумала она,—«За чѣмъ я такая необразованная дура? А то-бы гуляла теперь и я!»

Сергѣй Андреевичъ переодѣлъ пиджакъ на русскую рубашку, чтобы было свободнѣе грести, и отправился къ Эмилиі Христіановнѣ. Но ни въ классной, ни во всемъ домѣ ея не оказалось. Тогда онъ рѣшилъ, что дожидаться не стоитъ, вышелъ къ дѣтямъ и долго каталъ ихъ въ лодкѣ. Заплыли, должно быть, верстъ за семь. Пѣли пѣсни, учитель отпускалъ шуточки и дѣти весело смѣялись. Эта прогулка показалась Женѣ цѣлымъ праздникомъ. Она возвра-

тилась съ нея бодрая, веселая, го-
лодная и ей казалось, что она съѣсть
сразу два обѣда. Это катанье въ
лодкѣ напомнило ей объ ея дале-
комъ морѣ, объ ея прогулкахъ по
берегу, о нянѣ и если-бы не эта
осторожность, съ которой съ ней
обращалась Нина Петровна, и не
эта жестокость со стороны Эльзы
Христіановны, то ей казалось-бы,
что она въ этой усадьбѣ нашла
родную семью.

И въ первый разъ за все это
время, она громко запѣла во весь
голосъ и стала подниматься къ себѣ
наверхъ, чтобы причесаться и за-
плесть растрепавшіяся за прогулку
косы.

— Подите-ка, подите сюда! вдругъ
услышала она голосъ Эльзы Хри-
стіановны.—Гдѣ это
вы изволили пропа-
дать?

— Я каталась съ
дядей на лодкѣ! ве-
село отвѣтила ей
Женя.

— Кто-же вамъ
позволилъ? Вы спро-
сились у меня?

— Нѣтъ, но дядя
сказалъ, что самъ
передалъ вамъ объ
этомъ.

— Онъ, не гово-
рилъ мнѣ ничего! Вы
просто не хотите
заниматься и убѣ-
ждали сами!

— Фрейлейнъ, увѣряю-же васъ,
что меня позвалъ дядя!

— Врете! Онъ васъ вовсе не звалъ!
Вы убѣждали сами!

Точно острая игла пронзилась
вдругъ сквозь сердце Жени. Она
выпрямилась во весь свой ростъ.

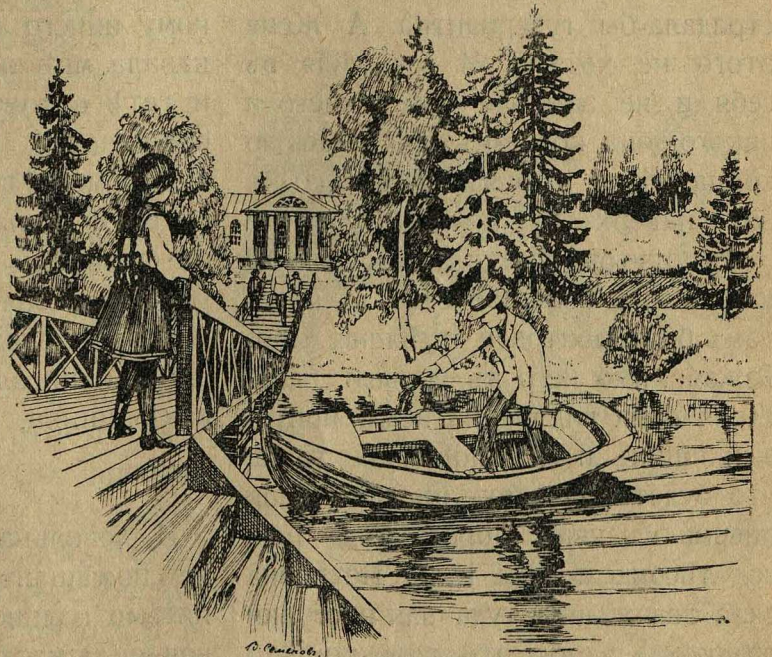
— Я никогда еще не врала! гордо
отвѣтила она и щеки ея запылали.—
Предоставляю вратъ другимъ!

— Замолчать!! крикнула на нее
гувернантка и топнула ногой.

Губы у Жени задрожали. Она не
совладѣла на этотъ разъ съ собой
и залилась слезами.

— Не смѣть плакать! опять крик-
нула на нее гувернантка.—Сейчасъ
время обѣдать и у васъ будутъ крас-
ные, опухшіе глаза!

Женя закрыла обѣими руками

Федоръ Степанычъ вычерпывалъ изъ лодки воду.

лицо, громко зарыдала, бросилась къ себѣ въ комнату и повалилась на постель. Эльза Христіановна постояла у ея двери, проворчала что-то по-нѣмецки и сошла внизъ. Какъ только замолкли ея шаги, Женя поднялась съ постели, умылась, причесалась и переодѣлась и, когда раздался внизу звукъ китайскаго бубна, сзывавшаго къ обѣду, какъ ни въ чемъ не бывало, вышла въ столовую.

— Что это у тебя такіе красные глаза? спросила ея Нина Петровна.

— Такъ, ничего... отвѣтила Женя.— Должно быть, надуло вѣтромъ... Это пройдетъ!

Это была ея первая, вынужденная ложь и она густо покраснѣла. Но если-бы она не сказала ея, если-бы сообщила Нинѣ Петровнѣ одну только правду, то отъ этого пострадала-бы гувернантка. А Женя этого не хотѣла. И вся уйдя въ себя и не замѣчая уже ничего и никого, она кое-какъ дождалась до конца обѣда и опять убѣжала къ себѣ наверхъ.

Въ полутора верстахъ отъ усадьбы находилось большое село, въ которомъ было почтовое отдѣленіе. Проѣзжая мимо него въ первый разъ, Женя сама видѣла на немъ почтовый ящикъ и еще подумала тогда, что будетъ опускать въ него свои письма къ нянѣ. Дорога туда шла все лѣсомъ и сама Нина Петровна раза два ходила туда для прогулки пѣшкомъ, чтобы отослать кому-то письмо.

— Я напишу къ нянѣ письмо, рѣшила Женя, — и опущу его въ ящикъ сама.

И сѣвъ у окошка, она разложила на подоконникѣ письменныя принадлежности и принялась за писанье.

«Милая нянечка, начала она,— если-бы ты знала, какъ мнѣ здѣсь безъ тебя тяжело! Возьми меня къ себѣ назадъ! Я по тебѣ соскучилась и мнѣ хочется побыть съ тобой. Здѣсь очень хорошо и всѣ меня любятъ, но злая гувернантка не даетъ мнѣ жить. Она со мной груба и почему-то возненавидѣла меня. Одинъ разъ она сдѣлала такъ, что тетя подумала, будто я ее обманула, а въ другой она накричала на меня, натопала ногами и назвала лгуньей. Я очень плакала, но никому ничего не сказала. Она приказала мнѣ ничего не говорить дядѣ и тетѣ о томъ, какъ она со мной обращается. Милая нянечка, пожалѣй меня, возьми меня отсюда къ себѣ! Я больше не могу. Если ты не возьмешь меня отсюда, то я умру. Дорогая нянечка, напиши мнѣ поскорѣе отвѣтъ! Прости, что такъ плохо написала, нацарапала лапкой, какъ кошка.

Твоя Женя».

И, довольная тѣмъ, что никто ей не помѣшалъ, Женя запечатала письмо надписала Крымскій адресъ, наклеила марку и прислушалась. Во всемъ домѣ было тихо: значить,

всѣ были въ паркѣ или у пруда. Она надѣла шляпку, вышла незамѣтно изъ дома и пробѣжала по аллеѣ къ калиткѣ. Вдалекѣ, освѣщенные заходившимъ солнцемъ, мелькали фигурки Димы и Вѣрочки, которые во что-то играли. Она прошла стороной, такъ что они ее не замѣтили, и вышла на дорогу.

По обѣимъ сторонамъ ея потянулся лѣсъ, въ вершинахъ котораго перекликались птицы, а тамъ впереди, за лѣсомъ, звонилъ колоколъ. Это въ селѣ. Завтра воскресенье. Въ какіе-нибудь двадцать минутъ Женя пробѣжитъ черезъ этотъ лѣсъ, перейдетъ черезъ поле, а тамъ ужъ и село. Она сама опуститъ драгоценное письмо въ ящикъ и съ нетерпѣніемъ будетъ ждать отвѣта...

И она бѣгомъ, задыхаясь, побѣжала черезъ лѣсъ. И вдругъ впереди что-то свѣтлое мелькнуло въ кустахъ. Она остановилась и перевела духъ. Изъ-за кустовъ вышла дама въ сѣромъ костюмѣ и въ шляпѣ и пошла дальше своей дорогой.

Это была Нина Петровна.

Она тоже шла въ село. Женя не знала, что ей дѣлать и какъ поступить. Если вернуться,—то это значило-бы скрыть отъ тети то, что она шла на почту, а если продолжать путь, то придется ее догнать и идти уже вмѣстѣ съ ней. Но въ это время Нина Петровна обернулась, увидѣла Женю, улыбнулась и стала ее поджидать.

— Ты хочешь меня проводить? спросила она Женю. — Это очень мило съ твоей стороны!

Женя увидѣла, что она тоже держала въ рукѣ письмо. Значить, и она тоже шла на почту. Женя смутилась, покраснѣла и не знала, что ей дѣлать.

— Да ты, кажется, несешь письмо? продолжала Нина Петровна и брови ея нахмурились.

— Да, тетя, отвѣтила Женя.—Я два раза уже писала къ нянѣ, но одно письмо прочитала фрейлейнъ и не позволила мнѣ послать, а другое потомъ разорвала... И вотъ я теперь иду сама... Няня можетъ подумать, что я объ ней позабыла и... и что не пишу ей потому, что не хочу.

Глаза ея наполнились слезами и

— Ты хочешь меня проводить? спросила она Женю.—Это очень мило съ твоей стороны!

она такъ посмотрѣла на Нину Петровну, что той стало ее жалко.

— Дай сюда, Женя, твое письмо, сказала она ей, — и возвращайся сейчасъ-же домой. Я сама опущу его въ почтовый ящикъ.

Женя передала ей письмо, поцѣловала ее въ губы и со всѣхъ ногъ помчалась обратно въ усадьбу.

Выждавъ, когда она скрылась, Нина Петровна распечатала ея письмо и стала читать.

«Я прочитала-бы это письмо», подумала она, — «если-бы его написала моя дочь. А этой дѣвочкѣ я замѣняю мать».

По мѣрѣ того, какъ она его читала, щеки ея все больше и больше покрывались рамянцемъ, губы дрожали и выраженіе жалости и въ тоже время горькой обиды разливалось по ея лицу.

— Бѣдная дѣвочка! прошептала она. — Но какая злая эта гувернантка!

Но и сознание своей собственной вины закопошилось въ сердцѣ у Нины Петровны. Не она-ли сама приказала этой женщинѣ обходиться съ Женей какъ можно строже? Не она-ли сама поручила ей ни на шагъ не отходить отъ нея и читать каждую ея срочку? И ей такъ стало вдругъ жалко Женю, такъ захотѣлось вдругъ ее приласкать, утѣшить, сказать ей нѣжное слово, что она остановилась и даже чуть не рѣшилась возвратиться обратно. Но письмо ея было спѣшное и важ-

ное, и она снова стала продолжать свой путь.

Возвратившись домой, Женя встрѣтила на крыльцѣ Эльзу Христиановну.

— Вы гдѣ это изволите пропадать, сударыня? строго спросила ее гувернантка.

Женя смутилась.

— Я... я ходила провожать тетю... пролепетала она.

— А кто писалъ на окошкѣ письмо? Кто позабылъ тамъ чернила, перо и бумагу? Дайте мнѣ сейчасъ-же это письмо.

— У меня его нѣтъ!

— Гдѣ оно?

— У меня его нѣтъ!

— Ну, въ такомъ случаѣ пожалуйте сюда!

Она схватила Женю за плечо, провела ее по корридору, отворила передъ нею какую-то дверь и впинула ее въ маленькое, темное помещеніе подъ лѣстницей.

Это былъ чуланъ.

— Сидите здѣсь! крикнула гувернантка и на два оборота заперла дверь на ключъ.

Женя уже не могла плакать. Она прижалась въ уголокъ, глядѣла въ темноту и молчала. Надъ ея головой раздавались взадъ и впередъ шаги дѣтей и взрослыхъ, скрипѣли половицы и что-то сыпалось сверху. Ее наказывали такъ въ первый разъ за всю ея жизнь.

«Все равно!» думала она. — «Все равно!»

Прошелъ часъ, а можетъ быть и больше. Женя не могла счесть времени, сидя въ темнотѣ. Оно показалось ей безконечнымъ. Она устала стоять, опустила въ уголку, обняла колѣни и положила на нихъ голову.

И вдругъ до нея донесся голосъ Нины Петровны.

— Гдѣ Женя? спрашивала она.— Женя, гдѣ ты? Поди сюда!

— Она наказана! отвѣтила гувернантка. — Она мнѣ нагрубилась и я посадила ее въ чуланъ.

— Куда?

— Въ чуланъ.

— Проводите меня сейчасъ-же къ ней!

Нина Петровна сказала это такимъ тономъ, что Эльза Христиановна не отвѣтила ей ничего и безпрекословно повела ее къ чулану.

Раздались два щелканья ключа и отворилась дверь. Нина Петровна просунула въ нее голову и, не видя въ темнотѣ Жени, прищурилась и стала оглядываться по сторонамъ.

— Женя, сказала она.—Гдѣ-жеты?

— Я здѣсь, тетя! слышался голосокъ изъ дальняго угла.

Нина Петровна вошла въ чуланъ, схватила дѣвочку за плечи, подняла ее на ноги и крѣпко прижала ее къ себѣ.

— Прости меня, дорогая моя!.. сказала она.—Я не знала, что тебѣ у насъ такъ не хорошо!

Женя почувствовала, какъ двѣ теплыя слезы скатились ей на го-

лову изъ глазъ Нины Петровны. Она бросилась къ ней на шею, крѣпко обхватила ее и стала ее цѣловать.

— Тетечка!.. Тетя!.. повторяла она.—Милая, дорогая, драгоценная тетя!..

Тутъ-же стояла Эльза Христиановна и кусала себѣ губы. Прибѣжала на скандалъ Прасковья, пришли обѣ горничныя и всѣ онѣ съ возмущеніемъ смотрѣли на гувернантку и сожалѣли о Женѣ.

Проходя мимо Эльзы Христиановны, Нина Петровна строго на нее поглядѣла и молча увела Женю съ собой. Гувернантка, тоже молча, поднялась по лѣстницѣ и ушла.

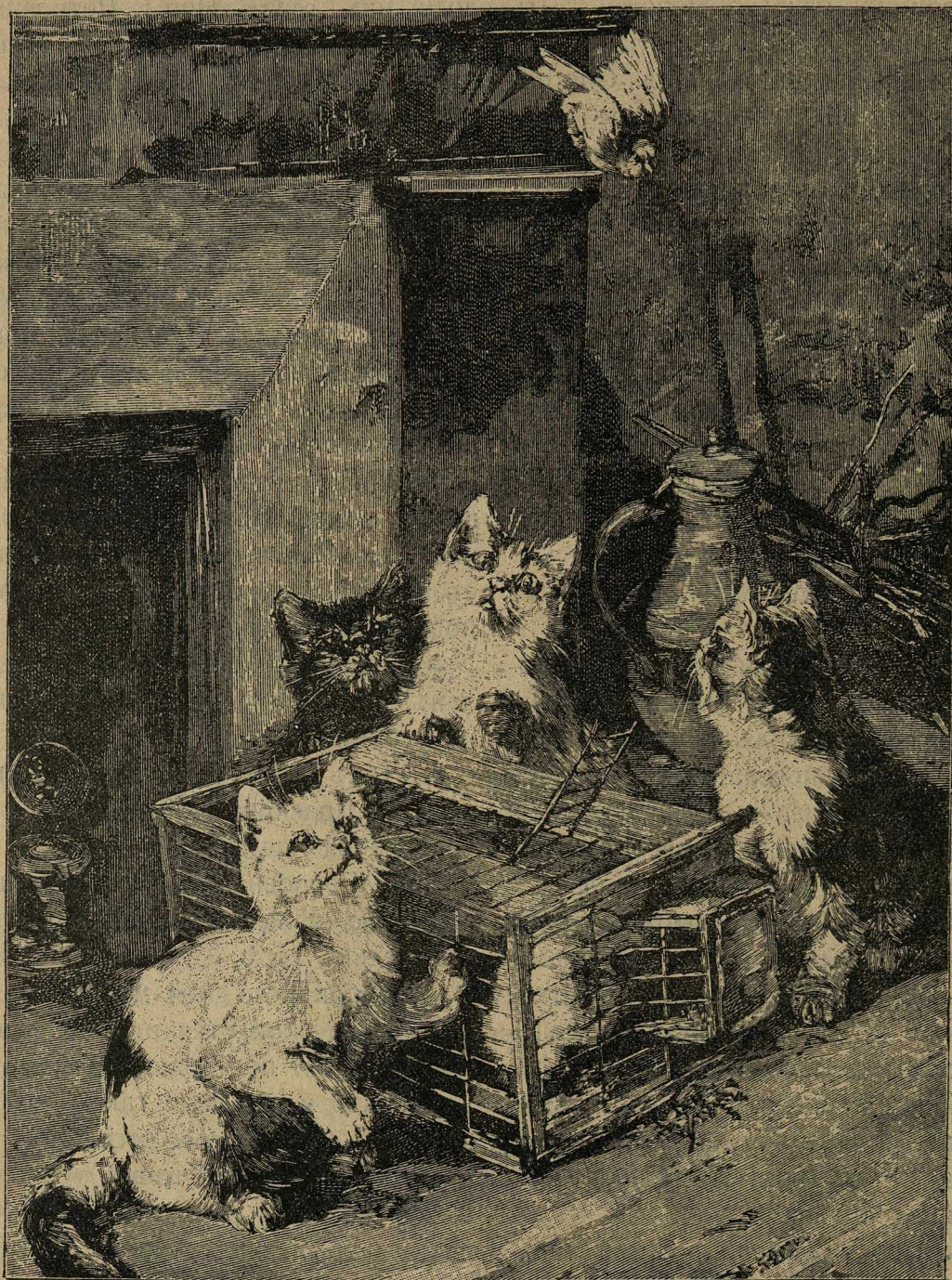
— Ее-бы самое посадить въ чуланъ! проворчала ей вслѣдъ одна изъ горничныхъ.

— Такъ-бы я ее и растерзала! сказала Прасковья.—Такъ-бы и разорвала на части!

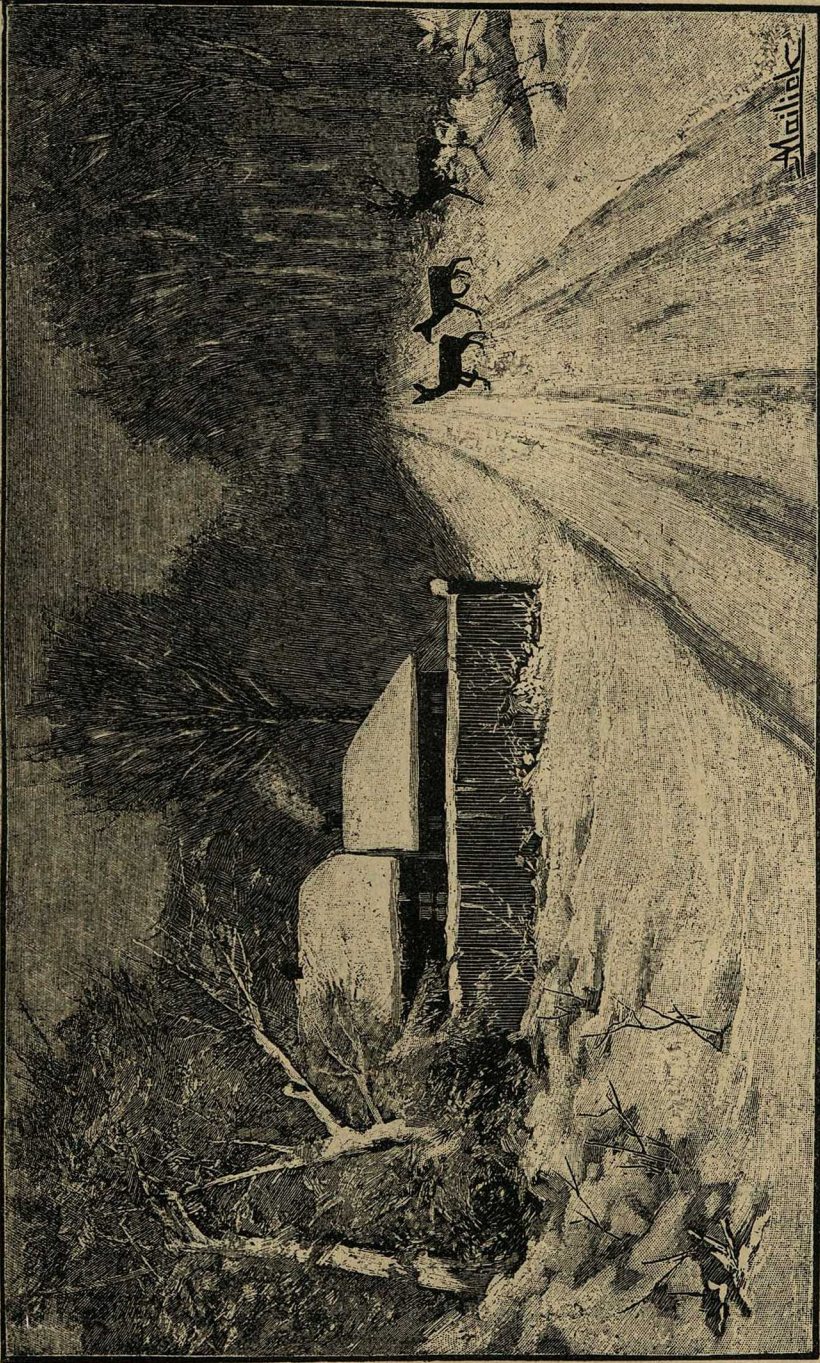
Нина Петровна отвела Женю въ гостиную, сѣла на диванъ и притянула ее къ себѣ.

— Успокойся, дитя мое, сказала она.—Все обойдется и пойдетъ по хорошему. Я постараюсь замѣнить тебѣ мать и сдѣлать такъ, чтобы ты была счастлива и весела.

За чаемъ почему-то всѣ молчали. Послѣ чаю всѣ рано разошлись по своимъ комнатамъ. А когда настало время идти спать и Женя поднялась къ себѣ наверхъ, то ея комната оказалась пустой. Для нея была устроена другая комната, внизу,

Проказники.

Въ тихую ночь.

рядомъ съ дѣтской, и вся была обставлена цвѣтами.

Женя раздѣлась. легла въ мягкую постель, укрылась простынею и послѣ столькихъ тревоженій заснула крѣпкимъ, успокаивающимъ сномъ.

Утромъ она слышала сквозь сонъ чьи-то шаги, какую-то возню, но ей такъ сладко спалось на новомъ мѣстѣ, что она не захотѣла прислушиваться и открывать глаза. А когда солнышко поднялось уже настолько, что заглянуло ей прямо въ лицо, то она спохватилась, что пора ужъ вставать, и вскочила.

Было уже девять часовъ.

Замѣтивъ, что она проснулась, къ ней подбѣжала Прасковья и бросилась на колѣни передъ ея кроватью.

— Уѣхала! заговорила она.—Дай я тебя, ангела, поцѣлую за это! Дай, я тебя обниму! Уѣхала и слѣдъ ея простылъ! Горничная Настя даже и полы послѣ нея замела!

— Уѣхала? удивилась Женя.— Кто уѣхалъ?

— Губернантка уѣхала! Задрала носъ кверху и уѣхала! Отказали! Ахъ, ты колбаса нѣмецкая!

И сказавъ еще нѣсколько неслесныхъ отзывовъ объ Эльзѣ Христіановнѣ, Прасковья обхватила Женю поперекъ тѣла и стала ее цѣловать и ласкать. Нацѣловавшись досыта, онѣ сѣли на край кровати и стали разговаривать.

А тѣмъ временемъ Нина Петровна уже кликала Женю къ чаю.

Съ отъѣздомъ гувернантки жизнь для Жени сразу перемѣнилась. Ей казалось, что стали иначе свѣтить солнце, иначе пахнуть цвѣты и даже иначе пѣть пѣтухи. И дѣйствительно, Нина Петровна уже ласкала ее, какъ родную дочь, дѣти относились къ ней, какъ къ родной сестрѣ,—и всѣ въ домѣ стали къ ней какъ-то почительнѣе. Одно только угнетало Женю, ей ничего не писала няня. Гдѣ она, что съ нею—дѣвочкѣ было неизвѣстно и она даже и не предполагала, что няня Наталья Кирилловна была такъ близко отъ нея въ Костромѣ и всѣмъ сердцемъ желала ее видѣть.

Вопросъ о новой гувернанткѣ такъ и остался открытымъ. Хотѣли было сдѣлать публикацію въ газетахъ или послать письмо къ пастору французской церкви, чтобы онъ порекомендовалъ гувернантку французенку, но не сдѣлали ни того, ни другого и рѣшили подождать до зимы.

— Дѣтямъ надо будетъ начать учиться уже серьезно, сказалъ Сергѣй Андреичъ.—Кто знаетъ, сможетъ ли гувернантка замѣнить собою учителя? Нѣтъ, пусть ужъ лучше ихъ всѣхъ троихъ и въ этомъ году учить Ѳедоръ Степанычъ! Все таки—онъ мужчина. Онъ хорошій человекъ и дѣльнѣе всякой гувернантки!

И обратившись къ дѣтямъ, онъ продолжалъ:

— Вотъ погодите, настанетъ весна, потекутъ ручьи, прилетятъ скворцы—и вы поѣдете всѣ въ городъ. Я хочу, чтобы вы всѣ трое учились въ гимназіи и потому должны будете держать экзамены въ апрѣлѣ или въ маѣ вмѣстѣ со всѣми учениками. Только смотрите у меня: съ осени и всю зиму стараться! Чтобы не ударить лицомъ въ грязь!

Женя, Дима и Вѣрочка просіяли. Боже мой, какая радости! Они поѣдутъ въ губернской городъ! Они будутъ учиться, будутъ гимназистами, будутъ имѣть друзей!

— А гдѣ мы будемъ жить? зада-ла Женя вопросъ.

— Если вы выдержите экзамены, отвѣтилъ Сергѣй Андреичъ—то мы вернемся сюда назадъ, проживемъ здѣсь все лѣто, а затѣмъ въ августѣ всѣмъ домою переѣдемъ въ Ярославль.

— Почему-же не въ Кострому, а въ Ярославль? спросили дѣти.

— Ярославль больше и благоустроеннѣе... Тамъ интереснѣе жизнь.

— Значитъ, мы будемъ тамъ жить весь годъ? воскликнулъ Дима.

— Да, весь годъ, отвѣтилъ ему отецъ.—Только на лѣто будемъ возвращаться сюда!..

Дѣти захлопали въ ладоши и стали прыгать.

Послѣ ужина обыкновенно расходились рано каждый по своимъ комнатамъ, но въ этотъ вечеръ еще дол-

го сидѣли въ столовой и мечтали. Дядя, тетя, Ѳедоръ Степанычъ и дѣти усѣлись всѣ съ ногами на большой турецкій диванъ и въ первый разъ за все это лѣто стали разговаривать о зимѣ. Ясно было, что лѣто уже кончалось и всѣхъ уже утомило бездѣлье. Пора была уже приниматься за трудъ и дѣтямъ даже хотѣлось, чтобы поскорѣе приходили осень и зима.

Въ виду окончанія лѣта дѣтямъ предоставлена была полная свобода: Съ утра и до вечера они были на воздухѣ, играли, ходили по грибы, а затѣмъ началась уборка хлѣба и они, какъ яркіе цвѣточки, пестрѣли то на одномъ полѣ, то на другомъ. Бродя по лѣсу и собирая ягоды и грибы, попадавшіеся на каждомъ шагу, которыхъ никто не сѣялъ и не сажалъ, и слыша надъ собою шумъ листвы и крики птицъ, Женя вспоминала о далекомъ Крымѣ и о нянѣ и ей сильно хотѣлось, чтобы она пріѣхала сюда и стала жить около нея. Самой-же ей возвращаться туда уже не хотѣлось вовсе. Она стала привыкать къ сѣверной природѣ.

Пользуясь лѣтомъ, ходили въ лѣсъ каждый день. Ходили всѣ, всѣмъ домою, и Сергѣй Андреевичъ и Нина Петровна и дѣти. Прислуга тоже отправлялась по грибы, но по утрамъ—«по росѣ». Грибовъ уродилось множество и ихъ приносили домой цѣлыми корзинами и возами.

Въ одну изъ такихъ прогулокъ,

когда Нина Петровна осталась дома, а Женя и Дима далеко зашли впередъ, гдѣ-то въ сторонѣ въ лѣсу, вдругъ слышались тяжелые вздохи. Дѣти насторожились и остановились. Изъ за кустовъ вышла дряхлая старуха съ лукошкомъ, сгорбленная, сморщенная, съ палкой въ рукахъ. Она тоже, повидимому, собирала грибы. Женѣ она показалась знакомой. Когда старуха подошла поближе, она узнала въ ней Егоровну.

— Здравствуй, бабушка! окликнула она старушку.

Егоровна подняла голову и посмотрѣла мутными глазами на дѣтей. Лицо ея освѣтилось привѣтливой улыбкой.

— Здравствуй, моя красавица! отвѣтила она.—Здравствуй, ненаглядная!

— Грибки собираешь? спросилъ ее Дима.

— Да, соколикъ, да вотъ плохо вижу!.. Стара стала, спина не сгибается!..

Въ эту минуту къ дѣтямъ подходилъ догнавшій ихъ Сергѣй Андреевичъ. Увидѣвъ его, Егоровна сразу же преобразилась. Она поставила на землю лукошко, выпрямилась и мутные глаза ея вдругъ засверкали гнѣвомъ.

— Богъ тебя накажетъ! крикнула она ему:—Будешь ты горѣть на томъ свѣтѣ въ аду! Онъ не попуститъ, чтобы бѣдныя сироты страдали! Онъ все выведетъ наружу!.. Всѣ узнаютъ, какъ ты присвоилъ это имѣніе себѣ!

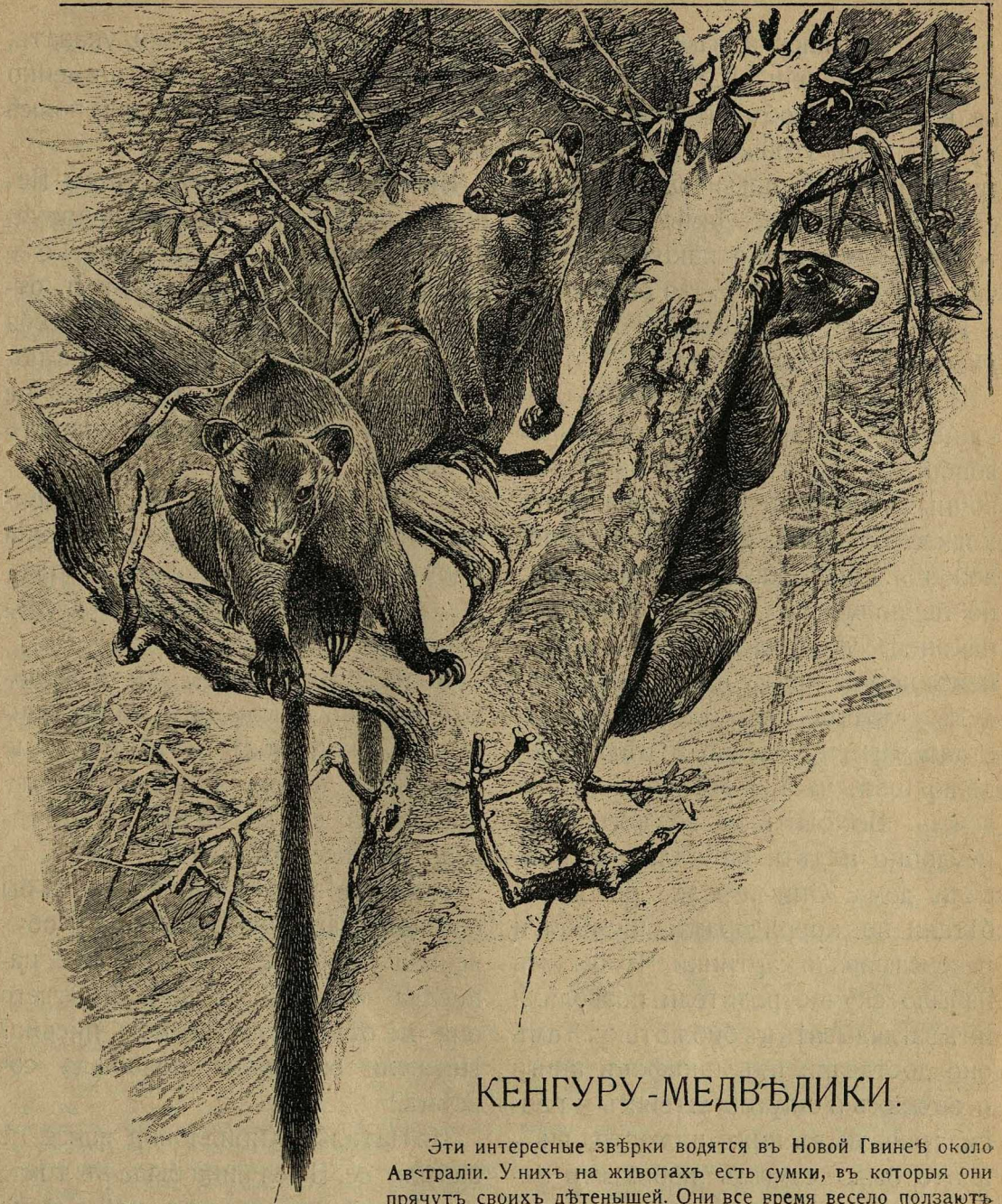
Женя услышала эти слова и ей почему-то стало неловко. Сергѣй Андреевичъ нахмурился, но, не отвѣтивъ старухѣ ничего, взялъ дѣтей за руки и повелъ ихъ назадъ.

— Пойдемте, дѣти!.. грустно сказалъ онъ.

Возвратившись домой, Женя долго еще не могла позабыть о старухѣ. Что она говорила? Какія странности? Почему она такъ угрожала Сергѣю Андреевичу и почему онъ ничего ей не отвѣтилъ? И будучи не въ состояніи сама рѣшить эти вопросы, она обратилась къ Димѣ.

— Да вотъ, видишь, ли, объяснилъ онъ ей, сильно покраснѣвъ и смутившись,—эта Егоровна была когда-то нянькой самого инженера Кирсанова, отъ котораго къ намъ перешло это имѣніе. Папа рассказывалъ, что когда мы пріѣхали сюда въ первый разъ, то она не захотѣла признавать его хозяиномъ, не отдавала ему ни отъ чего ключей, говорила, что все это имѣніе принадлежитъ не мамѣ, а какому-то Аркашенькѣ и какой-то еще дѣвчкѣ, и дѣлала такіе скандалы, что папа вынужденъ былъ выселить ее изъ усадьбы въ деревню. И вотъ теперь эта старая вѣдьма всякій разъ какъ встрѣтится съ папой, начинаетъ его ругать: И такой-то ты, и сякой то, и Богъ тебя накажетъ и чтобы добра тебѣ небыло...

— Дима! вдругъ одернула его Вѣрочка.—Какія слова ты говоришь? Опомнись!

КЕНГУРУ-МЕДВЪДИКИ.

Эти интересные звѣрки водятся въ Новой Гвинее около Австрали. У нихъ на животахъ есть сумки, въ которыя они прячутъ своихъ дѣтенышей. Они все время весело ползаютъ по вѣтвямъ и карабкаются на деревья и постоянно находятся въ движеніи. При этомъ они продѣлываютъ презабавныя штуки, которыя заставляютъ наблюдателя весело смѣяться. Они очень мирны, довѣрчивы и даже берутъ при встрѣчѣ съ человѣкомъ пищу изъ его рукъ. Питаются эти звѣрки листьями, почками деревьевъ и плодами. Въ неволѣ скоро погибаютъ. Забавно бываетъ смотрѣть, когда они станутъ на заднія лапки и у нихъ изъ мѣшковъ на животахъ выглядываютъ головки ихъ дѣтенышей.

Дима смутился и замолчалъ.

Весь тотъ день ислѣдующій Женя все думала объ Егоровнѣ. Почему она такъ угрожала Сергѣю Андреевичу? Что могли означать ея слова и сообщеніе Димы о какомъ-то Аркашенькѣ и о какой-то дѣвочкѣ которыхъ онъ будто обобралъ?

Кто этотъ Аркашенька? Кто эта дѣвочка? Гдѣ она теперь?

И полная мыслей объ этомъ Аркашенькѣ и дѣвочкѣ, которыхъ ея воображеніе рисовало ей, какъ сказочныхъ Ваню и Машу, она долго ходила по парку и дѣлала предположенія. Она задавала себѣ вопросы, но не получала на нихъ отвѣта, и наконецъ утомилась. А тѣмъ временемъ погода круто измѣнилась, задулъ вѣтеръ, зашумѣли деревья, стало вдругъ холодно и цѣлую недѣлю шелъ частый всепроникающій дождь. Выходить на воздухъ было неудобно и дѣти на цѣлые дни засѣли дома. Они играли, рисовали, бѣгали по корридорамъ, шумѣли и разсматривали картинки. Чтобы имъ небыло скучно родители позволили имъ заглядывать въ библіотеку. Тамъ они доставали изъ шкафовъ книги о звѣряхъ и о путешествіяхъ и разсматривали въ нихъ иллюстраціи— и это было самымъ любимымъ занятіемъ для Жени. Часто и въ другое время она заходила въ библіотеку и въ эти свои посѣщенія книжныхъ шкафовъ она такъ изучила всѣ книги, что могла-бы безошибоч-

но, съ закрытыми глазами, указать, какая изъ нихъ въ какомъ именно переплетѣ и на какой именно полкѣ находится.

Иногда она просила у Нины Перовны позволенія что-нибудь прочитывать и тогда ей давали ключъ отъ шкафа съ дѣтскими книгами и, отпирая его, она чувствовала себя среди близкихъ къ себѣ друзей и погружалась въ чтеніе такъ, что не замѣчала уже вокругъ себя никого и ничего.

— Ну, наша Евгенія опять увлеклась книгами! говорилъ о ней въ такія минуты Сергѣй Андреевичъ.— Должно быть, изъ нея выйдетъ писательница или ученая.

Женя читала и въ эти дождливые дни, но мысли объ таинственныхъ Аркашенькѣ и дѣвочкѣ не давали ей покоя, каждую минуту приходили ей въ голову и не давали ей сосредоточиться.

«Господи! шептала она.— Хоть-бы пріѣхала сюда няня Наташа и объяснила мнѣ все! Хоть-бы она написала мнѣ одну строчку! Отчего она не отвѣчаетъ на мои письма? Неужели она меня позабыла совсемъ?»

Но Наталья Кирилловна вовсе не забыла ее. Не ея вина была въ томъ, что Женя посылала къ ней письма въ Крымъ, и что сама она, вотъ какъ на грѣхъ, за эти девять лѣтъ позабыла адресъ имѣнія Ильинскаго.

К. Тр.—

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Если въ названіе домашняго животнаго вставить его первый слогъ, то получится инструментъ, необходимый въ оркестрѣ. Какое это животное и какой это инструментъ?

(Предложилъ Сургучикъ).

II.

Если въ задуманномъ словѣ первую букву оставить на своемъ мѣстѣ, то получится госпожа, а если первую букву поставитъ на мѣсто третьей, а третью на мѣсто первой, то получится невольница. Какое это слово?

(Предложилъ Ежикъ).

III.

Даны семь словъ, означающія:

- 1) Водяную траву.
- 2) Полицейскаго.
- 3) Маслянистое вещество.
- 4) Жилище.
- 5) Говорящую птицу.
- 6) Домашняго грызуна.
- 7) Мѣсто вѣчнаго блаженства.

Взять отъ этихъ словъ вторыя буквы отъ конца и составить изъ нихъ новое слово, означающее закуску. Какія это слова и какое это новое слово?

(Предложила Стрекоза).

IV.

Если въ словѣ, означающемъ хищную птицу, переставитъ буквы, то получится то, что даетъ урожай.

Что это?

ПАЛЕЦЪ КВЕРХУ! (Игра).

Играющихъ—сколько угодно. Каждый изъ нихъ запасается какой-нибудь вещицей, которая должна служить ему фантомъ.

Игру раскладываютъ на столѣ. Одинъ изъ играющихъ, по выбору товарищей, начинаетъ выкрикивать:

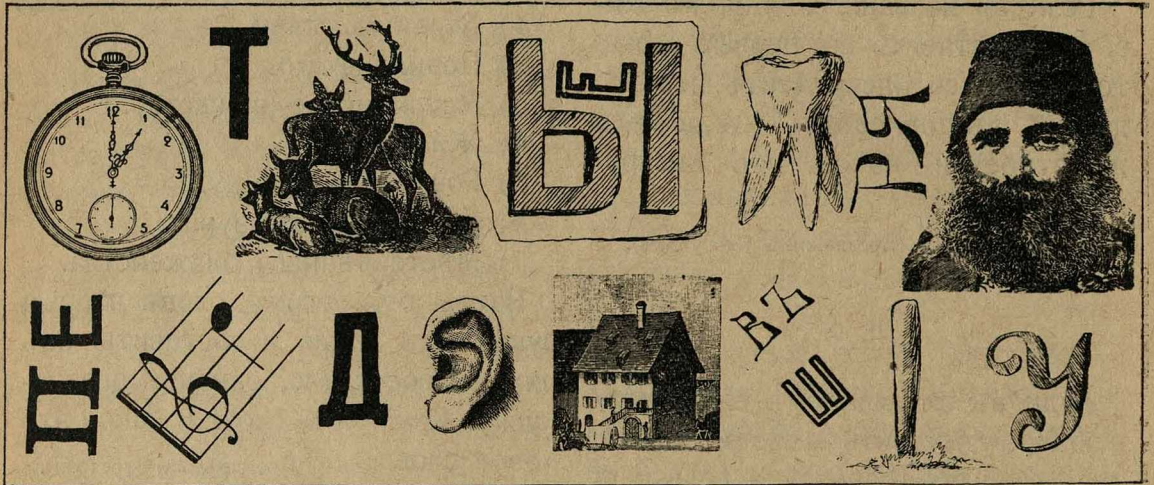
— «Улитка летаетъ!» «Собака летаетъ!» «Оса летаетъ!» «Ложка летаетъ!» и т. д.

При этомъ онъ, при каждомъ выкрикѣ, долженъ быстро поднять палецъ кверху. Всѣ остальные тоже должны такъ же быстро поднять палецъ кверху, но только тогда, если сказанный предметъ действительно летаетъ. Если же кто-нибудь ошибется, то долженъ поставить фантъ на ту картинку, на какой онъ ошибся.

Когда всѣ клѣтки будутъ зняты фантами, начинается ихъ розыгрышъ. Судя по содержанию рисунка, поставившій фантъ долженъ представить скворца, жука, мышъ, осу, улитку и т. д. Поставившіе же фанты на всѣ **неодушевленные** предметы должны перехитрять другъ друга, напр.:— должно установиться всеобщее молчаніе и каждый изъ нихъ, поднявъ указательный палецъ кверху и сдѣлавъ смѣшную физиономію, долженъ въ то-же время сохранить серьезность, глядѣть своему товарищу въ глаза и не смѣяться. Кто первый изъ нихъ засмѣется, тотъ считается проигравшимъ и выходитъ изъ игры. Такъ до послѣдняго фанта.

Вообще въ этой игрѣ много простора для фантазіи и изобрѣтательности ребенка. Играющіе не должны стѣсняться указанными примѣрами разыгрыванія фантовъ, они должны придумывать ихъ сами, замѣняя одно исполненіе другими, вводя въ игру разсказываніе исторій, чтеніе стиховъ, мимику и подвижность. Игра эта должна увлечь, и чѣмъ больше играющихъ, тѣмъ она проходитъ шумнѣе и веселѣе.

Ребусъ № 4.

(Фамилии подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ ребусъ или головоломки, будутъ напечатаны).

Рѣшеніе ребуса № 2 и головоломокъ, помѣщенныхъ въ № 2 «Золотою Дѣтства».

Головоломки: I., Перо, окно, лодка, тетрадь, арбузь, вакса, азбука=Полтава. II., пирогъ, чистота, туалетъ=пистолетъ III., постъ, строй, тройка=постройка. IV., Голова, лопата, вата. *Шарады:* №1, коль+кость=колкость, №2, Портъ+Ной=портной.

Ребусъ № 2. Въ э+томъ+годъ+у+осы+па+лось+м+ножь+ество+гр+уши+я+блокъ=Въ этомъ году осыпалось множество грушъ и яблокъ.

Вѣрные рѣшенія прислали: Т. и Н. Манцовы, В. Никаноровъ, В. Поповицкая, дѣти Писаревы, Л. Чернявская, дѣти Суслы, М. Игнатьевъ, В. В. Анисимовъ, С. Радецкая, Ю. Сафонова, Группа ученицъ Чириковскаго училища (сообщите вашъ

адресъ). В. Могильниковъ, Н. Ефимова, А. и Ж. Дювернуа, М. Калмановичъ, И. и Н. Гаусманы, Т. Александровъ, А. Здановичъ, Л. Петерсонъ, А. и В. Чернявскія, В. Пославская, Р. Александеръ, М. Поляковъ, С. и Т. Ланскія, В. Касторскій, М. Всеволожскій, В. Липпертъ, В. Фадотова, Гришутикъ и Оксаночка, В. Дорожинскій, Е. Бирштейнъ, А. Супруновъ, В. Соколо-Поповскій, М. Брееде, Т. Бернацкая, В. Готфридъ, Л. Чудинова, Э. Нейманъ, В. Волковъ, Н. Филатьева, Б. Батчиковъ, А. и Л. Авакянцъ, С. Митинъ, Б. Быстряковъ, И. Гальперинъ, Л. Глоба, М. Герасевъ, Б. Щенякъ, Ю. Свицерскій, В. Шелковниковъ, Д. Острогорскій, В. Рагозинъ, Т. Андреева, Г. Дикова, Шурановы, К. Дитрихъ, К. Преображенскій, З. Матвѣвская, дѣти Рукобратскы, Ж. и В. Александровы, П. Петровъ.

1870

1870

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1917 годъ.

НА ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ДѢТЕЙ (7—12 лѣтъ).

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

подъ редакціей М. П. Чехова.

Выходить ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ (24 номера въ годъ).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Журналъ отличается внѣшнимъ изяществомъ и тщательно подобраннымъ содержаніемъ. Давая подписчикамъ въ 1916—1917 году цѣлый рядъ интересныхъ приложений, редакция задалась цѣлью доставить имъ полезныя и разумныя занятія и развить въ нихъ вкусъ ко всему изящному.

Кромѣ художественно исполненныхъ иллюстрацій, дѣти въ „Золотомъ Дѣтствѣ“ найдутъ: повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи, изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарady и проч. и проч.

При каждомъ номерѣ приложенія въ краскахъ: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно выбранное содержаніе «Золотого Дѣтства».

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

24 НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.

12 ИГРЪ для дѣтей.

24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (раскрашенныя въ четыре краски), ОСОБЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ ГОДОВЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ:

1) КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТРЪ:

(кулисы, занавѣсъ, декорациа, дѣйствующія лица и пьеса).

Большое приложеніе, исполненное въ краскахъ, которое доставитъ дѣтямъ и ихъ гостямъ пріятное развлеченіе на многіе мѣсяцы.

2) Книга съ иллюстраціями:

„СО ДНА ПРОПАСТИ“.

◆ Книга эта будетъ прочтена дѣтьми не разъ съ захватывающимъ интересомъ. ◆

Головоломки и ребусы, помѣщаемые въ «Золотомъ Дѣтствѣ», являются интереснымъ развлеченіемъ для дѣтей, приучающимъ ихъ ориентироваться въ царствѣ смекалки.

Имѣемъ отзывы, что по содержанію и изящной внѣшности «Золотое Дѣтство» является однимъ изъ лучшихъ дѣтскихъ журналовъ въ Россіи.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія бібліотеки городскихъ училищъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ
5 р. 80 к., на полгода—2 р. 90 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», Петроградъ, Каменноостровскій проспектъ, 26, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петрограда.

5 Р. 80 К.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.